

Д. Мережковский

Франциск Ассизский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Д11

Д11 **Д. Мережковский**
Франциск Ассизский / Д. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2016.
–198 с.

ISBN 978-5-4241-1549-3

Д. С. Мережковский - выдающийся русский и европейский писатель Серебряного века, поэт, романист, драматург, критик, религиозный философ.

ISBN 978-5-4241-1549-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© Д. Мережковский, 2016

I. ИОАХИМ И ФРАНЦИСК

I

Путь Августина, ехавшего из Милана в Рим, в 387 году, креститься, шел по дремучелесистым холмам и долинам Умбрии, не минуя, вероятно, и той долины, у подножья Ассизской горы, где в глухом скиту Портионкулы (имя это от двух латинских слов: *portiuncula terreni*, значит: «Кусочек», «Частица Земли») спасались в четырех бедных, сплетенных из древесных ветвей, мазанных глиной и крытых соломой хижинахельях четыре старца, посланных из Св. Земли в Италию, с драгоценным даром св. Кирилла папе Либерию — частью Святейшего гроба Матери Божьей. Тут же, в дремучем лесу, находилась и малая, шагов десять в длину, семь в ширину, почти такая же, как телесные хижины, бедная церковка, где хранили старцы великую святыню.¹

Церковка эта, хотя и полуразвалившаяся, уцелела, так же как имя скита, «Портионкула», от дней Августина до дней Франциска, отстроившего ее своими руками заново. Жители окрестных гор и долин, простые, бедные люди, пастухи, дровосеки и угольщики, верили, что Ангелы, сходя с неба по ночам, поют, возвещая людям великую радость, такую же,

1 Salvatore Vitali. *Paradisus Seraphicus*. Milano, 1645. — Maurice Beaufreron. *Saint François d'Assise*. Paris: Plon — Nourrit et C° (1925). P. 28.

как там, в Вифлееме. «Вот почему дано той церкви имя: «Богоматерь Ангелов», *Maria Angelorum*», — вспоминает легенда св. Франциска Ассизского.¹ В долгую долгую ночь варварства Ангелы пели и здесь, в Портионкуле, так же как там, в Вифлееме, в зимнюю ночь Рождества, возвещая людям солнце великой радости: там, в яслях, на соломе, в нищете и наготе, родился Сын Божий: а здесь, в такой же наготе и нищете, царство Божие рождается.

И то, что возвещали Ангелы, исполнилось: через восемь веков родился св. Франциск на Ассизской горе и основал в долине, у подножья горы, в Портионкуле, первую обитель Нищих Братьев, которой суждено было сделаться «главою и матерью», *caput et mater*, бесчисленных, рассеянных по всему лицу христианского мира таких же обителей.² «Места этого, братья, не покидайте никогда: свято оно!» — скажет Франциск, умирая.³

Истинно Господь присутствует на месте сем...

Это не иное что, как Дом Божий — Врата Небесные, — мог бы сказать Франциск, видя, что здесь, в церковке Марии Ангелов, исполнился древний сон Иакова: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба, и Ангелы Божии восходят и нисходят по ней (Быт. 28, 12–17).

Здесь же, в Портионкуле, исполнилось и слово Господне: будете отныне видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому (Ио. 1, 51).

Если гора Блаженств, где было сказано: «блаженны нищие», — первая на земле точка царства Божия, а вторая — гора Хлебов, где сделаны были нищие блаженными, то третья точка — здесь, в Портионкуле, где это снова было сказано

1 Speculum Perfectionis. IV. 16.

2 Bonaventura. Legenda Major. IV, XXV. — Speculum Vitae. 32, 69 — 771. — Conformatit. 144. — Tres Socii. 56.

3 Speculum. Perfect. IV. 16. — Celano. Vita Prima. II. 7.

и сделано так, как нигде, никогда, за двадцать веков христианства.

Если бы знал Августин, что это будет, что отсюда, из этой «Частицы Земли», «Портионкулы» — третьей на земле точки, — людям суждено, через восемь веков, снова устремиться к его, Августинову «Граду Божию», *Civitas Dei*, то, может быть, проезжая через Портионкулу, он сошел бы с коня, снял обувь с ног своих, как Моисей при Купине, преклонил бы колена и поцеловал, плача от радости, эту Святую Землю.

II

«Утренней Звездой», *Stella matutina*, назовет св. Франциска легенда.⁴

Миру новое солнце здесь родилось, — скажет Данте в «Раю».⁵

Так же как там, в Вифлееме, над яслями Бога Младенца, — путеводная звезда волхвов засияет и здесь, в Портионкуле, утренняя звезда Франциска, возвещая людям после долгой ночи — Варварства солнце нового дня — Возрождения.

Первая вестница ночи, Звезда Вечерняя, — св. Августин; первая вестница дня, Утренняя Звезда, — св. Франциск. Умирая в лучах восходящего солнца, играет она, переливается всеми цветами радуги. Как бы играя, «с песнью умер», — «пел, умирая», *mortem cantando suscepit*, скажет о св. Франциске легенда;⁶ можно бы сказать: «с песнью жил и умер»; живя и умирая, пел, играл, как утренняя звезда — в лучах восходящего солнца.

4 Celano. V. P. I. 15.

5 Parad. XI. 50–51: *di queste coste... nacque al mondo un sole.*

6 Tres Socii. XXI. — Celano. V. P. I. 21.

III

Небо «Утренней Звезды», Франциска, — XIII век.

Чтобы понять душу человека, надо войти в душу времени, в котором жил человек. Но в душу людей XIII века очень трудно, почти невозможно войти людям XX века, потому что те для этих, как обитатели нижней гемисферы на старинных географических картах земного шара, — «антиподы», «люди, ходящие вниз головой»: все, что у тех, — наоборот всему, что у этих; потому что те для этих, как тот акробат, «жонглер» Парижской Богоматери, который хождением на голове перед извяянием Царицы Небесной так утешил Ее и весь Ангельский сонм, что, будучи великим грешником, спасся.¹

Но обитателям верхней гемисферы, прежде чем судить обитателей нижней, надо бы вспомнить, что «верх» и «низ», в смысле космическом и метафизическом, относительны, так что если бы люди XIII века могли увидеть нас, людей XX века, то, может быть, и мы показались бы им «ходящими вниз головой», «безумствующими», а кто действительно безумствует, это еще вопрос, на который мы уже отчасти ответили таким безумным делом, какого во всяком случае не могло быть в XIII веке, — Великой Войной, и готовимся, может быть, ответить еще большим безумием — будущей войной.

Но если бы мы поняли первое, сказанное людям, слово Господне «обратитесь», на греческом языке, *strafête*, что значит «перевернитесь», «опрокиньтесь», и другое, «незаписанное» слово Господне, *agraphon*: если вы не сделаете... вашего верхнего нижним и нижнего — верхним, то не войдете в царство *Moe*;² если мы поняли и слово рабби Иозия БенЛеви,

1 Gilbert Keith Chesterton. *Saint François d'Assise*, traduit de l'anglais par Isabelle Riviere. Paris: Plon — Nourrit et C° (1925). P. 97.

2 *Acta Philippi e codic. Oxon. 34* (Lipsius. *Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Ein Beitrag zur altchristlichen Literaturgeschichte* von Richard Adelbert Lipsius. Braunschweig: C. A.

Иудейского книжника времен Иисуса: «Царство Божие есть опрокинутый мир»;³ если мы все это поняли, то, может быть, узнали бы, что нам нужно сделать, чтобы войти в душу людей XIII века — увидеть небо «Утренней Звезды» — Франциска.

IV

Лучшие люди тех дней, ученики св. Франциска, — «люди духа», *viri spirituales*, как сами себя называют они,⁴ а лучшие из лучших могли бы назвать себя «людьми Духа Святого»; люди же ХХ века, если не лучшие, то и не худшие, — «люди вещества», «материалисты», как тоже сами себя называют они, а худших можно бы назвать «людьми Духа Нечистого»: вот один из двух очевиднейших признаков нашей с людьми XIII века «антиподности», «обратности», а другой, столь же очевидный, — то, что в планетнокруговом движении человечества по орбите всемирной истории крайняя точка приближения к солнцу. — Христу, перигелий, достигнута, после двух первых веков христианства, в XIII веке, а точка отдаления, такая же крайняя, апогелий, — в ХХ веке.

Крайности сходятся: в этих двух столь противоположных веках, двух полушариях земли, один и тот же центр земного притяжения, вокруг которого движемся, ходим мы, как нам кажется, «вверх головой», а люди XIII века — «головою вниз», — этот единый центр — Собственность, как первый

Schwetschke und Sohn, 1883–1887. II. 2. P. 19). — Resch. *Agrapha; ausser canonische Schriftfragmente, gesammelt und untersucht und in zweiter völlig neubearbeiterer durch alttestamentliche agrapha vermehrter Auflage herausgegeben von Alfred Resch Leipzig: J. C. Hinrichs*, 1906. P. 279.

3 Henri Monnier. *La mission historique de Jésus*. Paris: Fischbacher, 1914. P. 196.

4 Émile Gebhart. *L’Italie mystique: histoire de la renaissance religieuse au moyen age*. Paris: Hachette, (1928). P. 201.

и последний вопрос: быть или не быть человечеству? Мы и они отвечают на этот вопрос хотя и в противоположнейших смыслах, но с одинаково бесповоротной решимостью; разгадываем для нас и для них одинаково роковую загадку: что такое Собственность, — высшее ли благо или крайнее зло? утверждение или отрицание человеческого общества и личности? нужно ли разделение на «мое» и «твое» или не нужно; «разумно» или «безумно», говоря на языке XX века, а на языке XIII: «свято» или «грешно»? нужно ли «раздать все, что имеешь, чтобы спасти» или не нужно; «блаженны ли нищие или несчастны», говоря опять-таки на том языке, а на этом: «частная ли собственность или общая?», «капитализм» или «коммунизм»?

Смешивать два «коммунизма» — наш и XIII века — все равно что смешивать невинную девушки с блудницей, детскую улыбку св. Франциска — с дряхлой усмешкой Ленина, утреннюю звезду — с тусклосветящей гнилушкой.

Но не случайно, конечно, основное понятие, в этих двух «коммунизмах», выражается одним и тем же словом «коммуна», «община», очень древним, идущим от первой Апостольской Общины, а может быть, и от самого ее божественного Основателя.

Все же верующие имели все общее. И продавали имение (свое) и всякую собственность, и разделяли всем (поровну), смотря по нужде каждого... Было же у них одно сердце и одна душа (Д. А. 2, 44–45).

«Общее», *koinia*, погречески, а полатыни, *communa* — вот как будто один и тот же центр земного притяжения в обоих противоположных полушариях земли, — в обоих веках, XX и XIII; как будто одна движущая воля в этих двух, столь противоположных «коммунизмах». Но если бы мы поняли, что значит слово «верующие» в том свидетельстве Деяний Апостолов: «имели все общее», то мы увидели бы, что в

этих двух «коммунизмах» — не одна, а две воли, непримириимые, как жизнь и смерть, как абсолютное «да» и абсолютное «нет». Воля, заключенная в этом одном слове: «верующие», и есть тот архимедов рычаг, которым все «опрокидывается», «переворачивается» так, что ходящие как будто «вверх головой» оказываются ходящими «головою вниз», и наоборот, по слову рабби Иозия БенЛеви: «царство Божие есть опрокинутый мир».

Здесьто, между двумя веками, — может быть, уже не нашим и XIII, а нашим и какимто будущим, — и совершается всемирный переворот, «всемирная революция», понашему, но совсем не та, которой ждет коммунизм XX века, а гораздо более похожая на ту, которой ждал «коммунизм» XIII века.

V

«Вся жизнь Града Божия будет общинной, *socialis*"; «лишним владеть — значит владеть чужим»; «общая собственность — закон божественный, частная — закон человеческий»: вот путеводная нить, по которой шел св. Августин ко «Граду Божию», в V веке, а в XIII — поднял ее и пошел по ней дальше св. Франциск.¹

Двух более противоположных святых, чем эти, трудно себе и представить. Что такое «восхищение», «экстаз», Августин, как будто вовсе не знает, а Франциск, можно сказать, ничего не знает, кроме этого; Бог для Августина — в «разуме», а для Франциска — в «безумии»; тот распят на кресте мысли, а этот — на кресте чувства. Только в одном, — в утверждении «противособственности», «общности имения», — «блаженного нищенства», — сходятся оба. К святыни начинает путь свой Августин раздачею бедным всего, что имеет; так же начинает и Франциск. Оба затем основывают «Братства

1 См. примечание к «Августину». VIII.

нищих», строят для них пустыньки, один — на «Частице Земли», в Тагасте, а другой — на такой же «Частице» в Портионкуле, и оба умирают «блаженными нищими».

Очень вероятно, что Франциск знал немногим больше об Августине, чем тот — о нем; но в одном движении Духа к «Царству» — «Граду Божию», — в разрешении того, что мы называем так плоско и недостаточно «социальной проблемой», — у них обоих, так же как у первых учеников Господних в Апостольской Общине, — «одно сердце и одна душа».

VI

«Я хочу, чтобы все братья, не покладая рук, работали и заработок отдавали в Общину — Коммуну», — скажет Франциск;¹ то же как будто мог бы сказать, заменив только слово «братья» словом «товарищи», честный коммунист наших дней (если только есть коммунисты честные) и даже сделать как будто мог бы то же, но, на самом деле, совсем не то, и даже «антитиподнообратное» тому, что здесь говорит и делает Франциск: тот отнимает у других для себя, а этот — у себя для других; тот явно отрицает чужую собственность и тайно утверждает — свою, а этот свою — отрицает и утверждает чужую.

«Я не хочу воровать, а если бы я не отдал того, что имею, беднейшему, то был бы вором», — отвечает Франциск одному из братьев, когда тот убеждает его не отдавать полу-голому нищему последней теплой одежды в зимний холод.² «Я не хочу воровать», — это и значит «собственность есть воровство». Это говорит св. Франциск; говорят и все «блаженные нищие» тех дней, но опять-таки совсем, совсем не так, и даже обратно тому, как это будет некогда сказано.

1 Celano. Vita Secunda. II. 124.

2 Specul. Perfect. I. 3, 4.